

Историческая наука и петербургский историк Фроянов. Часть 2

А. Ю. Дворниченко

Для цитирования: Дворниченко А. Ю. Историческая наука и петербургский историк Фроянов. Часть 2 // Вестник Санкт-Петербургского университета. История. 2021. Т. 66. Вып. 3. С. 677–698. <https://doi.org/10.21638/11701/spbu02.2021.301>

Статья посвящена анализу творчества выдающегося российского историка Игоря Яковлевича Фроянова, вся творческая жизнь которого связана с Ленинградским (Петербургским) университетом. Фроянов является блестящим представителем петербургской исторической школы, и его наследие вплетается в историю российской науки, да и саму русскую историю. Это прежде всего специалист в области Киевской Руси. Созданная им многотомная и многогранная картина древнерусской цивилизации уникальна и является величайшим достижением в этой области. Его концепция в высшей степени системная, дающая возможность знакомящемуся с ней обозреть все сферы древнерусской экономической, социальной, политической жизни, социальной борьбы. Эта концепция выросла в противостоянии с господствовавшими в советской историографии воззрениями, став творческим развитием лучших традиций русской исторической науки до 1917 г. Во второй период своего творчества Фроянов продолжал оттачивать свою концепцию, опубликовав, например, фундаментальные «Лекции». Одновременно он написал ряд интереснейших трудов по истории Московской Руси XIV–XVI вв., которые в совокупности также представляют оригинальную и отличную от других концепцию этой эпохи российской истории. Последний фундаментальный труд на эту тему увидел свет прямо накануне его смерти. В статье показано, что со временем Игорь Яковлевич увлекается историей XX века, творчество его становится более политизированным и публицистичным. Однако и эти его работы представляют несомненный интерес: его Киевская Русь, пройдя через горнило монгольского ига и эпоху Московской Руси, как бы перетекает в современную нам православно-русскую цивилизацию, великим патриотом которой и был историк.

Ключевые слова: И. Я. Фроянов, Киевская Русь, общинно-вечевая древнерусская цивилизация, Московская Русь, «Октябрь семнадцатого», «Погружение в бездну».

Андрей Юрьевич Дворниченко — д-р ист. наук, проф., Санкт-Петербургский государственный университет, Российская Федерация, 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7–9; a.dvornichenko@spbu.ru

Andrey Yu. Dvornichenko — Dr. Sci. (History), Professor, St. Petersburg State University, 7–9, Universitetskaya nab., St. Petersburg, 199034, Russian Federation; a.dvornichenko@spbu.ru

© Санкт-Петербургский государственный университет, 2021

For citation: Dvornichenko A. Yu. Historical Science and Petersburg Historian Froianov. Part 2. *Vestnik of Saint Petersburg University. History*, 2021, vol. 66, issue 3, pp. 677–698. <https://doi.org/10.21638/11701/spbu02.2021.301> (In Russian)

This article is devoted to the scholarly work of the prominent Russian historian Igor Iakovlevich Froianov who died last December. He is a brilliant representative of the Petersburg Historical School, and first and foremost — a well-known specialist in the history of so called Kievan Rus. He created a complex concept of the “obcshinno-vechevaia” civilization of Old Rus. His concept is ultimately comprehensive because he studied in consecutive order practically all sides of such a phenomenon as Kievan Rus: economy, political life, social struggle, culture. His concept emerged in confrontation with the prevalent Soviet vision of this history, and at the same time from the very beginning it became a creative continuation and development of pre-revolution historiography. He also devoted several interesting and important works to the period of Moscow Rus, particularly to the process of formation of the Russian monarchy. These works made an excellent foundation for the new original view of this epoch of the Russian history, different from other concepts. Froianov’s legacy is divided into two parts: before and after the middle of the 1990s when so called “perestroika” took place in the USSR. On the one hand, he continued to study the old time. On the other hand, a number of his later works are devoted to the history of Russian revolution (1917) and to the above-mentioned “perestroika”. These works are closely connected with a publicistic genre which captivated him in those years. However, it is to a certain extent a continuation of his previous interests as these works are dedicated to the same Russian-Orthodox Civilization.

Keywords: I. Ya. Froianov, Kievan Russia, “obcshinno-vechevaia” civilization of Old Rus, Moscow Rus, “October of 1917”, “Submersion in the abyss”.

Итогом неутомимых научных трудов Игоря Яковлевича Фроянова стало создание величественного образа «общинно-вечевой древнерусской цивилизации»¹, жизнь в которой была ключом вплоть до начала XIII в., когда на Русь обрушились враги со всех сторон, но самым тяжелым и опустошительным стало монгольское нашествие. Однако уже в самом начале своего творческого пути историк осознал, что новый подход к самой старой эпохе русской истории позволяет, а лучше сказать, заставляет по-новому взглянуть и на всю последующую русскую историю. Со временем это стало бросаться в глаза. «И. Я. Фрояновым, А. Ю. Дворниченко и близкими к ним по взглядам исследователями разработана новая концепция исторического развития общества восточных славян в раннее Средневековье, которая требует, кстати, коренного пересмотра и последующего развития Руси», — писала Л. В. Данилова². Что же, будучи одним из крупных советских теоретиков исторической науки, исследовательница хорошо почувствовала ситуацию. В поле зрения в первую очередь оказывалось Московское государство. Советская историография, отбро-

¹ Фроянов И. Я. Князь как общинный чиновник // Фроянов И. Я. Молитва за Россию. Публицистика разных лет. СПб., 2008. С. 451.

² Данилова Л. В. Сельская община в средневековой Руси. М., 1994. С. 87. — Взгляды этой московской исследовательницы импонировали И. Я. Фроянову. См. рецензию на эту книгу: Фроянов И. Я., Дворниченко А. Ю. [Рецензия] // Отечественная история. 1996. № 2. С. 193–197.

сив наработки досоветской науки, сама с ним не справилась. Нельзя теперь без слез читать важнейшие произведения той эпохи на данную тему: богатство фактологии причудливо соседствует со странностями в ее интерпретации и бедностью теоретических обоснований³.

Я могу ответственно заявить, что Игорь Яковлевич планировал написать по Московской Руси такую же эпопею, как и по Киевской. Задумывалось опубликование друг за другом томов по социально-экономической, политической и прочим историям. Во всяком случае, даже в 2001 г. планировалось написание книги о зависимых людях московской поры⁴. Жаль, что этот план так и не был воплощен в жизнь. Статьи на эту тему историк писал в 1960–1970-х гг. параллельно с изучением Киевской Руси, причем наряду с процессом формирования зависимого населения интерес вызывала и проблема собственности на землю. Это ведь ключевые вопросы социально-экономической жизни, и, в связи с утверждением Фроянова об отсутствии в домонгольской Руси феодализма, возникала совсем другая картина экономических отношений и для XIV–XV вв.

Важным звеном новой концепции оказывалось черное крестьянское землевладение, которое под пером московских «феодалистов» (Л. В. Черепнин, А. Д. Горский, С. М. Каштанов и др.) представлялось как верховная (государственная) феодальная собственность на землю. Ленинградские историки (Ю. Г. Алексеев, А. И. Копанев, Н. Е. Носов, А. Л. Шапиро) делали упор на крестьянство как на носителя этой собственности. Конечно, и между ними были определенные расхождения, которые здесь нет возможности характеризовать, но все вместе они не могли принять той самой надуманной «верховой» собственности — конструкта «измышленного и для понимания нашей истории крайне вредного». В то же время в ретроспективном плане «наличие огромных массивов черных волостей и свободного крестьянства в XIV–XV вв. ставило под серьезное сомнение существование феодального строя в Древней Руси»⁵.

Понятно, почему Фроянову рисовался такой путь развития: «от безраздельного права общины и общинников на землю через разделенную собственность к ликвидации крестьянской земельной собственности»⁶. Его концептуальному подходу к русской истории вполне импонировала идея А. Л. Шапиро о «разделенной собственности»⁷. Однако он поддержал и Ю. Г. Алексеева, который считал черную волость свободной и связывал окончание ее перерождения со второй половиной XVI в.⁸ И хоть теперь особенно заметно, что это были поиски в тех же узких рамках советского марксизма-ленинизма, такая картина и сейчас представляется более адекватной, чем рассуждения о верховной собственности, и подтверждается, на-

³ Черепнин Л. В. Образование Русского централизованного государства в XIV–XV вв. М., 1960; Сахаров А. М. Образование и развитие Российского государства в XIV–XVII вв. М., 1969.

⁴ Фроянов И. Я. Правда и ложь о русской истории // Фроянов И. Я. Молитва за Россию. С. 355.

⁵ Алексеев Ю. Г. За Отечество свое стоять // Фроянов И. Я. Начала русской истории. Избранное. М., 2001. С. 8.

⁶ Раскин Д. И., Фроянов И. Я., Шапиро А. Л. О формах черного крестьянского землевладения XIV–XVII вв. // Проблемы крестьянского землевладения и внутренней политики России. Дооктябрьский период. Л., 1972. С. 16.

⁷ Шапиро А. Л. О природе феодальной собственности на землю // Вопросы истории. 1969. № 12. С. 57–72.

⁸ Фроянов И. Я. Нашествие на русскую историю. СПб., 2020. С. 642.

пример, на материалах Литовско-Русского государства⁹. В XIV–XV вв. сохранялась не только древняя большая семья¹⁰, но и такая архаика, как, например, право родового выкупа вотчин.

Продвижение от порядков Киевской Руси к новым московским можно было проследить и на фактах возникновения и функционирования крестьянских переходов в XIV–XV веках. Возникнув, они становятся обыденностью: «источники говорят о них, как о явлении привычном для современников»¹¹. Фроянов, вроде бы, и тут близок к Ю. Г. Алексею, который в праве крестьянского выхода видел воплощение остатка дофеодальной свободы, но делает существенное уточнение: «Это так и не так, поскольку свобода крестьян XV в., выражавшаяся в “отказах” и “переходах”, восходя генетически к дофеодальной свободе, была вместе с тем *феодальной свободой* (курсив мой. — И. Я.), поддерживаемой не только силой традиции, теряющейся в архаическом прошлом, но и спецификой вотчинного хозяйства»¹². Оставим без обсуждения понятие «феодальная», тем более что во второй половине своего творчества Игорь Яковлевич и вовсе отказался (и правильно сделал) от этого западного изыска для нашей российской почвы¹³. Но отметим важность и тонкость этого замечания, ведь институт переходов мог возникнуть лишь уже в эпоху более интенсивного развития крупного частного землевладения, а не в царстве первобытной свободы. Но, конечно, эта «старая», первоначальная вотчина и не могла в должной степени разрушить прежнюю архаику социальных отношений — процесс этот пошел по мере интенсивного внедрения поместной системы.

Ситуацию переходного к новым отношениям времени значительно проясняет и проблема «старожильства»¹⁴. Уже в историографии имперской эпохи в старожильцах норовили усмотреть одну из первых жертв закрепостительной политики. Подпали под обаяние этой концепции даже такие тонкие знатоки права, как М. Ф. Владимирский-Буданов и М. А. Дьяконов. Что ж говорить о таком уже советском промоутере российского «феодализма», как Б. Д. Греков, который видел в старожильцах первый отряд крестьян, потерявших право ухода. Фроянов обращает внимание на то, что и в источниках, и, видимо, в жизни старожильцы делились на два разряда: так сказать, судных старожильцев, которые свидетельствовали на

⁹ Современные споры о нем см.: *Dvornichenko A. Yu., Kudryavtseva R.-E. A. The Phenomenon of Great Duchy of Lithuania in a Scholar Discourse on the Boundary of Millenniums // Bylye Gody. 2019. Vol. 53, iss. 3. P. 935–955.*

¹⁰ *Фроянов И. Я. О большой семье в Новгородской земле XIV–XV вв. // Новгородский край: материалы науч. конф. «Новгород древний — Новгород социалистический. Археология, история, искусство». Л., 1984. С. 188–194.*

¹¹ *Фроянов И. Я. О крестьянских переходах в России XIV–XV вв. // Вестник Ленингр. ун-та. Серия истории, языка и литературы. 1979. № 3. С. 20. См. также: Фроянов И. Я. О возникновении крестьянских переходов в России // Там же. 1978. № 3. С. 28–34.*

¹² *Фроянов И. Я. О крестьянских переходах в России XIV–XV вв. С. 21.*

¹³ *Фроянов И. Я. Борьба продолжается // Фроянов И. Я. Молитва за Россию. С. 505. — И тут автор совершенно прав. Если отечественные русисты, во всяком случае некоторые из них, еще цепляются за это явно на нашем материале не работающее понятие, то медиэвисты-западники давно уже сомневаются и в феодализме, и особенно в его бытовании в России. См.: Ивонин А. Р. Тупики «русского феодализма» // Общественные науки и современность. 2011. № 2. С. 87–100.*

¹⁴ *Фроянов И. Я.: 1) Переход крестьян и старожильство в России XV–XVI вв. // Тезисы докладов и сообщений XIV сессии межреспубликанского симпозиума по аграрной истории Восточной Европы. М., 1972. Вып. 1. С. 78–80; 2) Старожильцы на Руси XV в. // Вестник Ленингр. ун-та. Серия истории, языка и литературы. 1981. № 1. С. 20–26.*

судах, и «более однородной массы старожильцев-крестьян»¹⁵. Для первой группы бытового характер названия очевиден: старожильцы — это те самые старожилы, которые могут свидетельствовать, «помня за много лет». Впрочем, и здесь историк подметил некоторые любопытные детали: старожилец становился настоящим «знахорем», то есть в полной мере ответственным свидетелем-удостоверителем, не потому (или не только потому), что он долго жил на том месте, а потому, что с той поры, как он покинул его, прошло много лет, другими словами, это те, кто лично связан давностью лет с определенным местом¹⁶. Значит, связь эта могла быть и прерывистой, и прерывистой.

Далее в полемике с предшественниками ученый раскрывает свой взгляд на старожильцев-крестьян. Он опровергает прежние попытки закрепить за ними те или иные признаки: более крепкую связь с земельным участком, отличия в характере выплаты налогов и т. д. Отличие было одно — они дольше жили на этом месте, чем «пришлые». Следовательно, и здесь наименования (старожильцы, пришлые) содержали в себе смысл бытовой, а не социальной¹⁷. Старожильцы отнюдь не стали той самой группой сельского населения, которая первой приняла на себя удар крепостничества. Это была еще вполне подвижная категория крестьян, совершавших «массовые переходы»¹⁸. В общем, под пером Фроянова возникало общество, которое только начинало вступать в тот строй, в котором господствуют эксплуатация и частное землевладение. Но теперь именно земельные владения станут основным источником обогащения¹⁹. Подобным путем пойдет мысль крупного исследователя «власти и собственности» на Руси в XIV–XV вв. В. Б. Кобрин. Не случайно он применит к реалиям Руси этого времени формулу Фроянова об островах частного землевладения²⁰.

Помимо экономических и социальных вопросов истории Московской Руси ученого влекли и вопросы политического устройства, идеология. Вот перед нами статья, написанная, очевидно, для самой пустой и заидеологизированной дискуссии советских историков: об абсолютизме. Статья не была опубликована, а жаль, поскольку могла бы придать больше осмысленности этому вяло протекавшему в 1960-е годы спору. Ученый приходит к выводу о том, что нет оснований противопоставлять самодержавие абсолютизму, старается разобраться в сходстве и различии между деспотизмом и абсолютизмом. Но больше всего его волнует вопрос о том, когда же возникло самодержавие в России, по сути, совпадающее, по его мнению, с абсолютизмом. Концепция его такова: самодержавие (абсолютизм) возникает на рубеже XV и XVI вв. Причем Россия шагнула в абсолютизм, минуя сословно-представительную монархию: ни сословия, ни Боярская дума, ни так называемая Избранная рада не могли влиять на эту ничем не ограниченную власть, которая несколько раз переодевалась, но суть ее оставалась прежней.

То, какие причудливые формы она может принять в России, в полном блеске явилось при Иване Грозном, правление которого в годы опричнины граничило

¹⁵ Фроянов И. Я. Старожильцы на Руси XV в. С. 21–22.

¹⁶ Там же. С. 22.

¹⁷ Там же. С. 24.

¹⁸ Там же. С. 25.

¹⁹ Фроянов И. Я. Князь как общинный чиновник // Фроянов И. Я. Молитва за Россию. С. 453.

²⁰ Кобрин В. Б. Власть и собственность в средневековой Руси. М., 1986.

с явным произволом. Именно тогда самодержавие показало всю свою разнузданность и бесчеловечность²¹. Не все в той статье бесспорно, например обнаружение самодержавия уже на рубеже веков, но она вполне убедительна в своих трактовках этого периода, который советские историки, как и всю историю, старались «подтянуть» к западноевропейскому образцу. Как видим, «Грозного царя» Фроянов тогда не идеализировал. Тогда же он стал изучать и проблему так называемого «наивного монархизма», который советские исследователи приписывали российскому населению²². Наблюдения его и сейчас выглядят весьма убедительными. Действительно монархизм, но почему же «наивный»? Потому что эти крестьяне и посадские люди были такими простачками? Сам самодержавный строй воспитывал в людях такую inferнальную веру в него, которая вполне сопоставима с религиозным чувством. И это чувство было одним из источников незыблемости самодержавия. Кто в России и по сей день не верит в «доброе царя»?! Так что весьма наивно со стороны историков именовать такой монархизм наивным.

Перед тем как дальше рассуждать о взглядах Фроянова, надо сказать следующее. Творчество его явственно распадается на два периода, и водоразделом здесь служит (так и не придумал, какое определение подобрать и с какой буквы написать) *перестройка*. Именно по ее результатам Игорь Яковлевич сильно увлекся политикой, публицистикой и как-то переформатировал свои воззрения. Бытовой, так скажем, атеист, как и большинство людей в советскую эпоху, он стал человеком воцерковленным, ненавидевший Сталина гражданин — стал сторонником этого правителя. В общем, это всё темы для биографической книги, и я их сейчас развивать не буду, но учесь эти метаморфозы надо обязательно. Ведь с ним произошло нечто напоминающее судьбу П. Н. Милюкова: когда этот выдающийся историк увлекся политической борьбой, ему стало уже не до исторической науки. Про Игоря Яковлевича, к счастью, так не скажешь, но борьба, все больше ужесточавшаяся, сильно его отвлекала, а главное, не могла не влиять на творчество.

В области изучения русского Средневековья заметна явная идеализация той государственности, которую историк так успешно стал изучать в 1960–1970-х гг. Она появляется не сразу, нарастая по мере увлечения историка политической борьбой. В одной из статей времен перестройки Фроянов приходит к выводу, что дореволюционная историческая наука не выработала единого взгляда по вопросу о возникновении монархии в России. Советские же историки обнаружили «феодальную монархию» уже в Киевской Руси²³. Но тогда в политике властвовала община, князь был не монархом, а представителем общинной власти, сакральным во многом правителем.

Положение резко меняется с нашествием татар, разрушивших древнерусскую цивилизацию с ее общинными городами-государствами. Фроянов выступал против приписывания Орде способности обеспечить Руси историческую преем-

²¹ Фроянов И. Я. О возникновении русского абсолютизма // Фроянов И. Я. Начала русской истории. С. 919, 914.

²² Раскин Д. И., Фроянов И. Я., Шапиро А. Л. Ленинская характеристика наивного монархизма. Наивный монархизм крестьян в истории феодальной России // Тезисы докладов и сообщений XII сессии Межреспубликанского симпозиума по аграрной истории Восточной Европы. М., 1970. № 2. С. 307–316.

²³ Фроянов И. Я. О возникновении монархии в России // Фроянов И. Я. Начала русской истории. С. 888–891.

ственность²⁴. Нет, это был серьезнейший разлом. При этом вовсе не видеть преемственности между Киевской Русью и Московским государством, как это делал Л. Н. Гумилев, тоже нельзя²⁵. В полном смысле слова — «до последнего вздоха» — Игорь Яковлевич боролся с дегероизацией русской истории: он считал, что монголо-татарское иго было именно *игом*, то есть страшным кровопролитием на русских землях, а не законным сюзеренитетом монгольских ханов. Он был категорически против отмены понятия «иго» и замены его словом «зависимость», как это было сделано в печально известном историко-культурном стандарте для единого школьного учебника истории²⁶.

Как бы то ни было, теперь высшим источником княжеской власти становится ханская воля, а вечевое народное собрание теряет право распоряжения княжеским столом. Начинается длительный процесс укрепления княжеской власти, идущий за счет старых демократических институтов. Внимательно проследив за этим процессом, историк приходит к выводу, что на становление монархии ушло сравнительно небольшое время, несколько больше ста лет.

Возникает монархия в княжение Дмитрия Донского в результате ликвидации вечевого строя, но еще сильно повязана высшим боярством²⁷. Народ делает свой выбор в пользу монарха, и к исходу XV в., освободившись от боярских пут, власть в полной мере обретает самодержавный характер, а в тех исторических условиях она могла быть только деспотической. Вот в таком-то качестве, хотя и в различных вариациях (деспотически грубых и цивилизационно-просвещенных), самодержавная монархия продержалась фактически до Февральской революции²⁸. Впрочем, в своей последней работе историк, напомнив мне этим Преснякова, старается разделить образование единого Русского государства и процесс его централизации. Во времена Ивана III завершается формирование «единого и неделимого» и начинается политика активной централизации, завершающаяся в царствование Ивана Грозного²⁹. Вот тут бы я спросил Игоря Яковлевича, а можно ли этого «недоцентрализованного» Ивана под номером 3 считать самодержцем? Но теперь не спросишь, да и вряд ли бы ему понравился мой вопрос...

Кстати, в становлении этой inferнальной российской власти Фроянов не склонен преувеличивать влияние Орды: «Как видим, московские властители получили *царство* («самодержавство») и титул *царя* не по наследству от ордынских ханов, а в итоге внутреннего развития Руси и влияния ветхозаветных и римско-ви-

²⁴ Фроянов И. Я. Нашествие на русскую историю. С. 140.

²⁵ Там же. С. 90. — Представляется, что Игорь Яковлевич недооценил в становлении «нового порядка» события второй четверти XV в., которые именовались в советской историографии феодальной войной (см.: Дворниченко А. Ю., Кривошеев Ю. В. «Феодальные войны» или демократические альтернативы? // Вестник Ленингр. ун-та. Серия истории, языка и литературы. 1992. № 3. С. 3–12).

²⁶ Фроянов И. Я. О переписывании истории отношений Руси с Ордой // Вестник С.-Петербургского ун-та. История. 2018. Т. 63, вып. 1. С. 196–222.

²⁷ Позже, когда взгляды Фроянова несколько политизировались, он стал утверждать, что старая (домонгольская) демократия передала свои полномочия формирующемуся самодержавию (см.: Фроянов И. Я. «Приближается момент, когда распад ядра России окажется неизбежным» // Фроянов И. Я. Молитва за Россию. С. 541).

²⁸ Фроянов И. Я.: 1) О возникновении монархии в России. С. 904, 906–907; 2) Нашествие на русскую историю. С. 798–805.

²⁹ Фроянов И. Я. Нашествие на русскую историю. С. 755.

зантийских исторических традиций»³⁰. Что ж, в том нескончаемом споре, который американский историк М. Чернявский удачно сформулировал как: «Хан или бацилевс?», Фроянов определенно сказал свое слово...

Не менее значимо и то, что после разгрома Руси татарами и во время ига замет-но продвинулась вперед христианизация³¹. Об этом, в частности, свидетельствуют многочисленные вклады рядовых граждан в монастыри, тогда как в Древней Руси земли на церковь жаловали лишь князья и бояре³². Все утверждения Игоря Яковлевича лежат в русле магистрального направления русской исторической науки до 1917 г. и звучат вполне убедительно, как и мысли об уникальности российской истории, об особой роли государства в ней³³. И он отнюдь не повторяет «зады» прежней исторической науки: будучи выдающимся ученым, он вносит в изучение этих давних проблем много нового, свежего, интересного.

Ученый пытался подвести и теоретические основы. Здесь традиционное для русской исторической науки клише: специфика природных условий; своеобразие этнического окружения и контактов с внешним миром, сопровождаемое вековыми войнами; колонизация — культурное и хозяйственное освоение огромных территорий³⁴. Его тезисы, как всегда, идущие от души, не оставляют равнодушным и убеждают. Да и то правда: неблагоприятные погодные условия, беспрестанные войны, и никакая Россия не империя, к ней не приложишь понятия метрополия и колония. Привлекает внимание то, что Игорь Яковлевич, не отказываясь от формационного подхода, старается объединить его с цивилизационным, вписать Россию в систему *локальных цивилизаций*³⁵. Из характеристик этой цивилизации выводит он и ее основные черты: *огосударствление* всей жизни, отсутствие пестуемого на Западе *правового* государства. Правда, как же все-таки сочетать эти плохо сочетаемые подходы, Фроянов не показал.

При этом, что странно для представителя петербургской школы, Фроянов крайне москвоцентричен: не хочет считать Великое княжество Литовское еще одним центром объединения русских земель. В публицистике Фроянов отзывается о Великом княжестве Литовском, как «о землях, отторгнутых другой державой» в период ослабления некоего Русского государства³⁶. Мне это показалось странным, ведь, когда в 1980-х гг. постепенно прояснялись темы моих диссертаций, связанных с Великим княжеством Литовским, он воспринял это с большим энтузиазмом и говорил об огромном значении этого государства для понимания российской истории в целом. Однако и в последней своей работе он категорически был против того, чтобы рассматривать литовских князей по разряду «собирателей Руси», и даже против названия «Литовско-Русское государство», которое так нравилось нашим патриотам-историкам до 1917 г.³⁷ Впрочем, даже Игорь Яковлевич незаметно для себя оказывается под скромным обаянием литовско-русской исто-

³⁰ Фроянов И. Я. Нашествие на русскую историю. С. 495.

³¹ Там же. С. 90.

³² Лавров С. И., Фроянов И. Я. Русский народ и государство. СПб., 1995. С. 22.

³³ Фроянов И. Я. Лекции по русской истории. Киевская Русь. СПб., 2015. С. 14–16.

³⁴ Фроянов И. Я. О некоторых особенностях русской истории // Мнемон. Исследования и публикации по истории античного мира. 2013. № 12. С. 503.

³⁵ Там же. С. 510.

³⁶ Фроянов И. Я. Борьба продолжается // Фроянов И. Я. Молитва за Россию. С. 504.

³⁷ Фроянов И. Я. Нашествие на русскую историю. С. 761–762.

рии: «Деятельность Миндовга, Ольгерда и Витовта по собиранию земель во многом являлась сходной с объединительной работой московских князей»³⁸. Но уж больно влекло его именно Государство Московское...

Идеализация начинает нарастать тогда, когда он обращается к персоналиям. Иван III, оказывается, не только завершил процесс формирования монархии в России, но и «подает нам пример гибкого взаимодействия централизованной, авторитарической власти и местного самоуправления». Именно эта сильная центральная власть, которая опирается на местные союзы, составляет своеобразие русской истории³⁹. Игорь Яковлевич имеет в виду те известные уставные грамоты, которые были изданы при этом великом князе. Эту политику, якобы, продолжил и Иван IV с его земской и губной реформами. Стоило бы обратить внимание на характер этой «опоры», которая сама была элементом централизации и закрепощения⁴⁰. Сложился строй, в котором «государство — это главный двигатель народной жизни, дающий направление и даже ход народной жизни. И поэтому очень важно, кто возглавляет государство...»⁴¹

Образ Ивана III настолько отлакирован⁴², что в более поздней книге с удивлением узнаешь, что он, оказывается, пробавлялся еретичеством, допускал элементы отступничества от христианства⁴³. Идеализируется образ Романовых, в связи с которыми и рисуется портрет Российского государства в духе славянофильства или скорее в духе Ивана Солоневича с его «Народным государством». Такой подход мы встречаем во многих поздних работах Игоря Яковлевича. Народ поддержал монарха, делегировав ему власть, а самодержавие не просто регулировало отношения, но опекало людей⁴⁴. Народ припадал к царю, а он шел навстречу народу, «печаловался» о нем⁴⁵. Третий участник этой политической пасторали — церковь: «религиозность масс лелеяла веру в Государя», а с государством у церковников была та самая вожделенная с византийских времен симфония⁴⁶.

Конечно, не все в этой столь любезной сердцу историка Московской Руси было так хорошо: накапливались предпосылки реформ⁴⁷. Но для Петра I эти предпосылки ведущей роли не играли, поскольку реформу он превратил в революцию, а преобразование — в ломку (если вспомнить все того же Солоневича). Этот революционер на троне фактически покончил с прежней Московской Русью, но на деятельности монархов это в конечном итоге не отразилось. На смену Челобитному приказу,

³⁸ Там же. С. 782.

³⁹ Фроянов И. Я. Иван III и русская государственность // Фроянов И. Я. Начала русской истории. С. 924.

⁴⁰ Дворниченко А. Ю. Российская история с древнейших времен до падения самодержавия. М., 2010. С. 347–348.

⁴¹ Фроянов И. Я. О Ладого, Новгороде, Киеве // Фроянов И. Я. Молитва за Россию. С. 167.

⁴² В этом Фроянов был вполне единодушен с другим выдающимся представителем ленинградской школы — Ю. Г. Алексеевым, написавшим целый ряд блестящих сочинений об этом великом князе.

⁴³ Фроянов И. Я. Драма русской истории: На путях к Опричнине. М., 2007. С. 88.

⁴⁴ Фроянов И. Я. О началах русской истории // Фроянов И. Я. Молитва за Россию. С. 378.

⁴⁵ Фроянов И. Я. Романовы и традиционные основы русской государственности // Фроянов И. Я. Начала русской истории. С. 930–931.

⁴⁶ В ряде работ Фроянов замечает, что в «дни роковых испытаний», например в феврале 1917 г., церковь себя вела не лучшим образом (см.: Фроянов И. Я. «Врата адовы не одолеют церковь» // Фроянов И. Я. Молитва за Россию. С. 173).

⁴⁷ Фроянов И. Я. Октябрь семнадцатого (Глядя из настоящего). СПб., 1997. С. 11.

куда приходили жалобы простых смертных, пришли другие учреждения⁴⁸. Когда читаешь о них у Игоря Яковлевича и вспоминаешь, как наш нынешний президент общается с народом во время своих ежегодных «прямых линий» — понимаешь: и в России есть прогресс! Это не какой-то ящик в районе Дворцовой площади, куда страждущие во времена Романовых могли бросать свои прошения. В общем, реализуется концепция, во многом напоминающая славянофильскую или почвенническую. Не случайно одним из любимых для цитирования писателей стал Ф. М. Достоевский. Впрочем, и славянофилы не были едины в оценке, например, того же Петра I. Достаточно вспомнить позицию А. С. Хомякова.

Эта концепция и накал борьбы повлияли на создание самой, на мой взгляд, истовой и провокационной книги Фроянова. Традиционная формулировка: «книга читается с огромным интересом» — здесь отнюдь не дань традиции. Она написана в какой-то особой, энергетически насыщенной, мощной манере: приводимые факты, почерпнутые из исторических источников, перемежаются обильной историографией. И информация подается так, что читатель неустанно следит за ходом событий на протяжении более девяти сотен страниц и готов полностью разделить авторскую концепцию, несмотря на то, что в книге явно видны следы влияния той самой борьбы, которую вел Фроянов, что, собственно, автор и не скрывал, связывая свой интерес к эпохе Грозного царя с исследованием русской Смуты конца XX в.⁴⁹

Ученый ставит перед собой заманчивую цель — понять-таки, что такое опричнина, каковы ее корни. Он упоминает о работе замечательного петербургского историка Д. Н. Альшица, который искал истоки опричнины в реформах Избранной рады. Сам же считает, что ее исторические корни лежат гораздо глубже, уходя во времена правления Ивана III. Надо сказать, что Альшиц здесь упомянут лишь, что называется, для запева. Одним этим историком дело, конечно, не ограничивается. Книга, как всегда у Фроянова (и вполне в духе петербургской школы), буквально пронизана историографией и содержит много добротных историографических обзоров.

Другое дело, что историографическим источникам, концепциям, которые в них отражены, историк дает оценки, исходя из имеющегося у него видения вещей. Впрочем, так ведь сплошь и рядом бывает. В связи с тем же Альшицем, чья идея об утверждении самодержавия посредством опричнины мне лично кажется самой правильной, Фроянов замечает, что такой «подход... характеризует, хотел того исследователь или нет, русское самодержавие как государственный институт, порожденный насилием и кровью, что, безусловно, бросает тень на историю России и Российского государства»⁵⁰. Ну, тень — тенью, а если так оно и есть?! Ведь история у нас после монголов — может быть, одна из самых мрачных и кровавых. Смущает и еще одна «историографическая» презумпция: оказывается, слабое место современных историков и журналистов, пишущих об Иване Грозном, — их невоцерковленность. На эту тему надо смотреть «духовными очами», как владыка Иоанн (Снычев)⁵¹. Конечно, такими очами лучше всего смотреть на русскую историю, но куда же всем невоцерковленным историкам податься?

⁴⁸ Фроянов И. Я. Октябрь семнадцатого. С. 938–939.

⁴⁹ Фроянов И. Я. Яд ереси // Фроянов И. Я. Молитва за Россию. С. 605–606.

⁵⁰ Фроянов И. Я. Драма русской истории. С. 915.

⁵¹ Там же. С. 925–926; Брачев В. С. Русский историк И. Я. Фроянов. Жизнь и творчество. СПб., 2016. С. 420. — Обширный раздел, посвященный деятельности Избранной рады, был опубликован в виде отдельной книги: Фроянов И. Я. Грозная Опричнина. М., 2009.

Сам же Игорь Яковлевич утверждал, как мы уже знаем, что наше самодержавие сформировалось раньше — к концу XV в. Значит, данная причина появления опричнины не работает так же, как и попытки связать ее с личными свойствами Грозного царя⁵². Историк видит совсем другую причину и прослеживает ее на протяжении периода, который он считает цельным и единым: конец XV — начало XVI в.⁵³ Истоки эффективной меры спасения (а может, все-таки национальной катастрофы?) — опричнины — лежат во временах Ивана III, когда над судьбой России был занесен дамоклов меч. Фроянов переносит центр тяжести в объяснении необходимости опричнины с внутренних причин на внешние. Корни опричнины, по его мнению, надо искать в кризисе, который разразился в Русском государстве в связи с распространением «ереси жидовствующих». Историк совершенно справедливо отказывается видеть в этом некое приобщение России к Реформации, чем увлекались некоторые советские историки. Эту ересь «незаконно завезли к нам из-за границы люди, обладающие специальной подготовкой по части вербовки неопитов»⁵⁴. Если не пугаться этой риторики, то и с этим утверждением можно согласиться.

Но вот зачем завезли? Тут Игорь Яковлевич, на мой взгляд, впадает в некоторое противоречие. Оказывается, завезли для того, чтобы развивать самодержавие. Правда, для самодержавия были и другие внутренние и внешние причины, но эти люди, которые умели пристраиваться к эволюции государственной власти на Руси, приложили немало сил к тому, чтобы этот «процесс пошел»⁵⁵. А зачем им это было нужно — развивать наше благословенное самодержавие? Представители как «первой», так и «второй волны» имели скрытый замысел: посредством «обволакивания» самодержавия использовать царя для того, чтобы разрушить церковь и подорвать самодержавную власть, опираясь на конструкцию самой этой власти⁵⁶. Достается, в первую очередь, исихастам-нестяжателям, но даже по гамбургскому счету Игорь Яковлевич не смог все-таки разоблачить Нила Сорского — человека экзальтированного и отрешенного «от пустошного мира сего»⁵⁷. Зато уж в полной мере поплатился за свое интриганство его последователь — «великий временной человек» — Вассиан Патрикеев, а за ним и Максим Грек. Это и есть представители «второй волны», сопровождавшейся учениями Феодосия Косого, а также ересью старца Артемия и Матвея Башкина.

России угрожал уже девятый вал в виде Избранной рады. В отличие от ряда исследователей⁵⁸ Игорь Яковлевич не только признает существование такого института, но и считает ее главным врагом существовавшего в России порядка. Особенно тяжелы для России были реформы этой самой Рады, которые задевали интересы практически всех слоев общества и порождали жаркие споры⁵⁹. Именно

⁵² Там же. С. 926.

⁵³ Фроянов И. Я. Сталин и Грозный // Фроянов И. Я. Молитва за Россию. С. 583.

⁵⁴ Фроянов И. Я. Драма русской истории. С. 45.

⁵⁵ Там же. С. 75.

⁵⁶ Там же. С. 186.

⁵⁷ Там же. С. 122.

⁵⁸ См.: Филюшкин А. И. История одной мистификации: Иван Грозный и «Избранная Рада». М., 1998.

⁵⁹ Фроянов И. Я. «Валаамская беседа» в религиозно-политических спорах середины XVI века // Вестник Удмуртского университета. 2006. № 7. С. 78.

деятельность Избранной рады переполнила чашу терпения Ивана Грозного — и он, хорошо при этом размыслив, создал опричнину. В условиях борьбы с заговором ему требовался охраненный корпус, не зараженный ересью⁶⁰.

Тут я хочу закончить анализ данного произведения. Повисает только один вопрос: почему Иван Грозный наделен великой духовностью, а остальным Игорь Яковлевич в этом отказывает, считая их прожженными политиками в духе XX в.? То, что он идеализирует Грозного⁶¹, меня не удивляет, поскольку эти два полюса — идеализация и охаивание — будут присутствовать постоянно, в зависимости от ситуации. Сейчас вот и славный американский историк Чарльз Гальперин вполне положительно отзывается о Грозном⁶². А у нас фильм сняли неплохой, в связи с которым литературный критик Т. Москвина хорошо сказала, что Московское царство любить не обязательно, но «надо хотя бы не отрицать и не корчиться от ненависти к нему, иначе перипетии борьбы московских царей за власть станут вам физиологически непереносимы»⁶³. Я вот и Грозного, и Сталина ненавижу, но прекрасно понимаю, что это чувство — отнюдь не лучшее средство для познания нашей истории, наверное, самой тяжелой во всем белом свете.

Что же касается реформ, то тут, скорее всего, Фроянов прав: не переносит уникальный российский государственно-крепостнический строй (ГКС) реформ — всем российским Смутам предшествуют реформы. Необходимо только маленькое уточнение: самой радикальной реформой и была та самая опричнина.

Прямо накануне ухода из жизни Игоря Яковлевича появилась книга по средневековой истории, которую не побоюсь назвать подвигом пожилого и уже больного исследователя. Это интереснейшая научная рефлексия по поводу русской истории, которой отведено более тысячи страниц. Посвящена она памяти друга и соратника по петербургской исторической школе Ю. Г. Алексеева. Уже в «нескольких предварительных замечаниях» задается тон высокого гражданского звучания. Как и всегда, И. Я. Фроянов — за Россию и за правду «стоятель». Иной раз кажется, что он перегибает палку в отношении тех, кого подозревает в «чернении русской истории». За какую же правду борется историк в книге? За правильную трактовку «русско-ордынских связей XIII–XV вв.»⁶⁴.

Книга имеет достаточно сложную структуру. Первая глава — как зачин в фольклоре — посвящена критическому рассмотрению концепции «последнего евразийца» Л. Н. Гумилева, научное творчество которого, как и творчество Фроянова, теснейшим образом связано с Ленинградским государственным университетом. Игорь Яковлевич крайне критически относится к идеям Гумилева и, хотя уважает его как настоящего ученого-интеллектуала, пишет об издержках научного творчества, от которых не застрахован любой ученый⁶⁵. Дальнейшие главы посвящены рассмотрению творчества других современных авторов, но наследие «последнего

⁶⁰ Фроянов И. Я. Сталин и Грозный. С. 594.

⁶¹ «Его душа была открыта добру и любви к ближним», — пишет И. Я. Фроянов (см.: Там же. С. 592). Как тут не вспомнить К. Д. Кавелина с его восприятием Грозного в качестве поэта.

⁶² Дворниченко А. Ю., Шапошник В. В. И снова Грозный Иван, или о новой книге американского ученого // Вестник С.-Петербургского ун-та. История. 2020. Т. 65, вып. 2. С. 633–645.

⁶³ Москвина Т. Игры московского престола: царь Иван лидирует // Аргументы недели. 2021. 13 янв. № 1 (745). С. 15.

⁶⁴ Фроянов И. Я. Нашествие на русскую историю. С. 22.

⁶⁵ Там же. С. 94.

евразийца» — как некий антиобразец, с которым и сопоставляются взгляды этих авторов: кто против Гумилева, того Игорь Яковлевич поощряет, а кто «за», того учит уму-разуму. Круг авторов чрезвычайно широк: это ученые и писатели; среди них и ученики самого Игоря Яковлевича, и уважаемые всеми московские историки, и памятный людям моего и других поколений прозаик В. А. Чивилихин.

Тут мне бросилось в глаза, что Фроянов, наряду с серьезными людьми, полемизирует со всякими подозрительными личностями: современными пишущими аферистами, людьми без базового образования или без образования вовсе, типа Фоменко, Буровского, Бушкова и пр. Иной раз, забывшись (или из деликатности), он даже называет их «исследователями». Но потом я с этим смирился: такая эпоха, что перо попадает в руки кому ни попадя, а кто-то должен же бороться с этими врагами исторической истины. Но, главное, они нужны Игорю Яковлевичу сугубо для того, чтобы жестко их раскритиковать и высказать свои мысли. Мыслей этих в книге очень много, порой они выливаются в целые пространные и очень интересные сюжеты. Примерами могут служить страницы, посвященные Касимовскому ханству, создание которого Г. В. Вернадский считал временем окончания татарского ига⁶⁶, событиям 1327 г. в Твери⁶⁷, 1262 г.⁶⁸ и др.

В конце 1990-х гг. вышли работы Фроянова по советской и постсоветской истории, без упоминания которых наша общая (и, к сожалению, краткая) характеристика его творчества будет неполной. Какой был ажиотаж! Недавно я перечитал эти труды и поразился: откуда он возник? Скорее всего, произошла контаминация, так сказать, этих сочинений со скандалом вокруг Фроянова и исторического факультета нашего университета. Видимо, и россияне (само это слово, подзабытое со времен М. В. Ломоносова, вошло тогда в широкий оборот) были тогда излишне нервны. Да и как оставаться спокойным в такую Смуту!

Почему Фроянов взялся за советский период? Вспомним, что и Вернадский — такой же закоренелый «древник» — тоже изучал новейшую историю России⁶⁹. Видимо, это вполне естественное желание: взирая из древности, понять современность, осознать ту эпоху, в которой живешь. Были и другие причины: Вернадскому надо было утвердиться в американской науке, а советский период был наиболее востребованным. Фроянов же со своими текстами вошел в политическую борьбу: уже в 1993 г. он баллотировался на выборах в Законодательное собрание Санкт-Петербурга, и ко времени написания своих работ он уже отдался борьбе со всей страстностью своей натуры⁷⁰.

Одно обширное эссе было откликом (по старинной русско-советской традиции) на круглую дату — 80-летие Октябрьской революции. Мобилизовав большую

⁶⁶ Там же. С. 198–218.

⁶⁷ Там же. С. 646–690.

⁶⁸ Там же. С. 810–839.

⁶⁹ Дворниченко А. Ю. Георгий Вернадский о советской России (к публикации статьи Г. В. Вернадского «Парадоксы большевизма») // Новейшая история России. 2015. № 2 (13). С. 101–132.

⁷⁰ Судя по всему, Фроянов достаточно уважительно относился к Вернадскому, когда анализировал взгляды последнего на монгольское иго. Да и со всем евразийством, с рядом его представителей, находил вполне реальные точки соприкосновения. Предполагаю, что Игорь Яковлевич отнесся бы к тому «старому» евразийству с гораздо большим пониманием, если бы не новые «усиливающиеся напевы евразийского учения», которые носят уж слишком искусственный и политизированный характер (Фроянов И. Я. О зарождении евразийства в изучении русского Средневековья // Фроянов И. Я. Нашествие на русскую историю. С. 1026–1069).

литературу, свои обширные знания о русской истории, Игорь Яковлевич старается понять феномен революции. Проследим за ходом его мысли. Корни революции он находит в деяниях Петра Великого, о деструктивной деятельности которого он писал и раньше. «Отец Отечества» — царь Петр — весьма напоминает Игорю Яковлевича других «отцов»: Ленина и Сталина. Петру ставится в вину превращение старого крепостничества в настоящее рабство (надо полагать, что раньше это самое крепостничество было благостным?). Но, конечно, Игорь Яковлевич прав, как была права и советская историография: крестьянам жилось все хуже и хуже. Дальше он фактически не отступает от этого тезиса, не разделяя восторга по поводу «Великих реформ» 1860–1870-х гг., а также неудавшихся столыпинских реформ⁷¹. У историка есть и свой вполне славянофильский рецепт для тогдашних преобразований, хоть он и не поклонник альтернативной истории: надо было ликвидировать помещичье землевладение и реформировать общину, превратив ее в свободный земледельческий союз, обладающий фондом земли для передачи в наследственное пользование крестьянам⁷². Впрочем, почему же только славянофильский? Существует же славянская кибуц-коммуна в Израиле, что-то подобное и в других странах имеется. Вещь вовсе неплохая...

Читатель уже не удивляется, что события 1905–1907 гг. оказались не буржуазно-демократической революцией, как привыкли считать советские историки, а русской аграрно-демократической революцией⁷³. Эта революция не победила, но разрушила доверие к власти, в частности царской, а также в тандеме с мировой войной поставила Россию перед опасной чертой. Февральскую революцию Фроянов проводит по разряду политических переворотов, зато Октябрьскую считает, используя соответствующую риторику, «Второй русской рабоче-крестьянской революцией», которой разрешилась от бремени вся предшествующая 200-летняя история нашей страны. Это и есть «революция для России». Но была еще и ситуация «Россия для революции» — доктринальная, так сказать, революция, ориентированная на мировую революцию⁷⁴. Впрочем, Ленин был более гибким политиком, чем Троцкий, а главное — более национальным. Вместо авантюрной задачи раздувания «мирового пожара» он поставил более скромную задачу — отсидеться до того момента, как европейские страны сами созреют. Главная заслуга его и его соратников в том, что территориальная целостность имперской России была сохранена.

А тут и Сталин подоспел с его лозунгом построения социализма в отдельно взятой стране. Именно с этого времени историк стал идеализировать Сталина, находя в его деятельности много общего с тем, с чем вошел в нашу историю Грозный⁷⁵. Сталин, по его мнению, три раза спас Россию: сначала от Троцкого и его сторонников, потом от гитлеровской Германии, а потом от всех врагов, вместе взя-

⁷¹ Также см.: *Соболев Г. Л., Фроянов И. Я.* Кстати о Столыпине // *Фроянов И. Я.* Молитва за Россию. С. 79–83.

⁷² *Фроянов И. Я.* Октябрь семнадцатого. С. 39.

⁷³ Там же. С. 27.

⁷⁴ Там же. С. 43, 47–50.

⁷⁵ *И. Я. Фроянов* — не первый (и не последний) историк, сравнивающий этих двух деятелей. Полагаю, что, несмотря на глубинную связь эпох в нашей истории, надо все-таки видеть и определенные различия (*Dvornichenko A. Yu.* Stalinism, Boyars and the Russian Tradition // *Вестник С.-Петербургского ун-та. История.* 2018. Т. 63, вып. 2. С. 636–647).

тых, создав ракетно-ядерный щит⁷⁶. При этом борьба с космополитизмом неожиданно стала «своеобразной формой самообороны, борьбой за Россию»⁷⁷. А раз мобилизационное общество (одна из главных заслуг Сталина) не могло быть создано без потерь, то, согласно Фроянову, можно признать и историческую обусловленность репрессий⁷⁸.

Что тут скажешь? Вот он, ужас нашей истории! Умом-то мы понимаем, что и Грозный, и Сталин были неотъемлемыми элементами того ГКС, в котором мы живем, и что нельзя все время их ругать. Тут позволю себе цитату из академика Е. М. Примакова: «Посмертная реабилитация многих репрессированных и загубленных не может затмить то, что было в солженицынском обобщении “ГУЛАГ”». Однако рассмотрение всего 70-летнего периода жизни нашей страны через призму преступлений и ошибок — это пренебрежительное отношение к советскому народу, который таким путем вычеркивается из истории...»⁷⁹ У нас ведь почти в каждой семье есть и обожженные войной, и жертвы репрессий. И игнорировать историю нашу нельзя, тем более если ты ее изучаешь. Налицо когнитивный диссонанс. Фроянов, как натура цельная, разрубил этот гордиев узел, воспев монстров.

Но вернемся к фрояновским «революциям». Была ведь еще «революция против России». И тут Игорь Яковлевич выводит на сцену «мировую закулису» и «немецкие деньги». Его главная новация здесь, пожалуй, — это утверждение о том, что немецкие деньги брали все, а главное, что ими дело не ограничилось. Деньги мировой закулисы поступали через Александра (Израиля) Лазаревича Гельфанда (Парвуса, Молотова, Московича) — заметной фигуры в той самой закулисе⁸⁰. Денег не жалели: предполагалось, что в состоянии деструкции на Запад утечет столько денег, что трагедии будут компенсированы с лихвой⁸¹. И Игорь Яковлевич (как всегда, ярко и сочно) описывает, как уже в петровские времена утекали наши российские денежки на Запад.

И после реформы 1861 г., и после 1917 г., и сейчас мы являемся свидетелями нового грабежа России Западом, заключал Игорь Яковлевич: «На Запад потекли сотни тонн золота, драгоценности, разнообразное сырье, включая стратегическое, в западных банках оседали и оседают сотни миллиардов долларов»⁸². Кстати, когда я перечитывал эти строки, по телевизору сообщили о попытках нынешней российской власти приостановить утеkanie российских капиталов в оффшоры уже в наши дни. Речь там тоже шла о миллиардах долларов.

Итак, мировая закулиса многого добилась: было уничтожено три империи — Российская, Германская и Австро-Венгерская; в России умертвили государя, вся

⁷⁶ Фроянов И. Я. Сталин и Грозный. С. 578.

⁷⁷ Фроянов И. Я. «Сталину удалось сделать то, о чем мечтал Данилевский» // Фроянов И. Я. Молитва за Россию. С. 572.

⁷⁸ Там же. С. 570.

⁷⁹ Примаков Е. М. Будущее России. М., 2020. С. 177–178.

⁸⁰ Сам сюжет с Парвусом был смелым разрывом с советской традицией. Русский эмигрант-историк в Оксфорде Н. Е. Андреев, рассказывая в письме Вернадскому об историческом конгрессе в Швеции в 1960 г., упомянул, что академик И. И. Минц обозвал известного американского историка русского происхождения Г. М. Каткова «грязным фашистом» за одно только упоминание о Парвусе (см.: Дворниченко А. Ю. Русский историк Георгий Вернадский. Путешествия в мире людей, идей и событий. СПб., 2017. С. 302).

⁸¹ Фроянов И. Я. Октябрь семнадцатого. С. 108.

⁸² Там же. С. 113.

политика большевиков до Великой Отечественной войны была направлена против Православной церкви. Но уничтожить Церковь не удалось, как не удалось и расчленить Россию на малые государства. Большевики очень быстро восстановили единство России, а затем создали строй, который официально именовался социалистическим. По мнению Фроянова, это вовсе не «социализм», а «социально ориентированный (направленный) государственный капитализм», который является сугубо российским вариантом общественного строя, возможным только в России, представляющей особую славяно-русскую цивилизацию. Почему же не перешли к социализму, гипотетический портрет которого тут же и нарисовал историк? Сначала этому мешала постоянная внешняя угроза. С созданием термоядерного оружия, гарантирующего внешнюю безопасность СССР, система государственного капитализма исчерпала свой исторический ресурс. Можно было продолжить социалистическое строительство, но после Сталина руководящая верхушка передралась в борьбе за власть.

Как оценить это сочинение Фроянова? Это довольно интересная рабочая попытка осознать значительный период российской истории, понять феномен русской революции, да еще в условиях такого значимого юбилея⁸³. Как это ни покажется странным, но многое из того, что написано у Фроянова, находим и у Вернадского (такая параллель возникала у нас уже не раз): и оценку Петровской эпохи, и достаточно высокую оценку «красного диктатора» Ленина, и мысли о роли крестьян в российской революции, и информацию об использовании германских денег, и оценку достижений России при Сталине, и рассуждения о «государственном капитализме» или «государственном социализме»⁸⁴. Раз есть такое сходство без всякого воздействия друг на друга, значит, это лежит в некоем общем тренде развития исторического знания. Но Фроянов не был бы Фрояновым, если бы он все не заострил.

Ну и конечно, эти ученые *de facto* разошлись в оценке закулисы, если под ней понимать масонов. Правда, Вернадский писал о масонах только применительно к XVIII в. и оценивал их положительно⁸⁵. Игорь же Яковлевич страстно увлекся масонами, сугубо отрицательно оценивая их деятельность. С его легкой руки на факультете много лет читался курс, посвященный их истории. Тема интересная, но я не верю в то, что масоны могут кардинально изменить ход истории человечества. Скорее уж «черные лебеди» Нассима Талеба...

Когда речь заходит о современности, небольшое эссе Фроянова буквально смыкается с гораздо более весомой его книгой, получившей и большую известность, — «Россия. Погружение в бездну». В предисловии интересно авторское объяснение того, почему он взялся за тему перестройки. Это дань университетской традиции широко подходить к истории родной страны (со ссылкой на А. Е. Преснякова и ряд других историков нашего университета) и гражданская позиция.

⁸³ Два последующих юбилея показали, что в этом вопросе в российской науке по-прежнему — сколько голов, столько и умов (см.: *Dvornichenko A. Yu., Kotov A. E. The Centenary of the Great Upheavals in the Mirror of the Latest Russian Historiography // Blye Gody. 2018. Vol. 50, iss. 4. P. 1752–1765*).

⁸⁴ *Дворниченко А. Ю.* Русский историк Георгий Вернадский. С. 548, 587–588, 590–610.

⁸⁵ Там же. С. 560–567. — Положительно о масонах отзывается и современный российский автор: *Кондаков Ю. Е.* Розенкрейцеры, мартинисты и «внутренние христиане» в России конца XVIII — первой четверти XIX века. СПб., 2012. С. 497.

Концепция историка вполне ясна. Запад всегда боролся с Россией (СССР)⁸⁶. При этом особое значение имели тайные операции⁸⁷, но есть и «внутренняя вина», причем не народа, а партийной верхушки. Посетовав по поводу «ниспровержения сталинского авторитета и ослабления созданного Сталиным режима власти», Игорь Яковлевич критически оценивает эпоху застоя, когда отжившие производственные отношения сковывали экономику. Запад воспользовался всем этим и «вырастил» целую популяцию «агентов влияния»⁸⁸. Среди этих агентов — знаковые для перестроечного времени люди: Ю. В. Андропов, А. Н. Яковлев, Е. А. Гайдар, Г. А. Явлинский, А. Б. Чубайс и др., ну и конечно же, сам «Горби» — М. С. Горбачев. К моменту перестройки Запад управлял тайным корпусом агентов влияния, которые занимали видные места в разных сферах⁸⁹.

Историк очень живо рассказывает нам о правлении Андропова, о поддержке им нового выдвиженца Горбачева, но самая большая глава посвящена перестройке, которую автор книги мыслил как *контрреволюцию*⁹⁰. Книгу читать интересно: как всегда основательно и весомо, используя разные доступные источники, Фроянов излагает ход событий, давая свои оценки. Когда книга увидела свет, описаний событий той Смуты было очень мало, теперь их больше, но издание все равно интересно своей фактологической частью, своими тонкими наблюдениями. Что же касается оценок... Ясно, что и в своей знаменитой книге, и в своих публицистических молитвах о России Фроянов мог достучаться до сердец читателей. Кто из тех, кто еще не забыл, что такое мыслить и страдать, не мыслил о России и не страдал по поводу ее судьбы?! Парадоксально, но за последние десятилетия мы успели искренне порыдать и о России имперской, которую мы потеряли, и о России советской, тоже утраченной. Мне вот, например, жалко даже эпоху перестройки, когда я был молод и в стране еще была более высокая художественная культура... Но почему же мы все время теряем?

Собственно, главное ноу-хау Игоря Яковлевича — это как раз тот самый корпус агентов влияния, которым управляет мировая закулиса. Главный агент — Горбачев, хитрый, изворотливый, изначально имевший изощренный план уничтожения СССР. Тут, кстати, Фроянов значительно разошелся с А. А. Зиновьевым, который приравнивал уровень Горбачева к «интеллектуальному кретинизму»⁹¹. Я все-таки полагаю, что дело, собственно, даже не в интеллектуальном уровне Михаила Сергеевича, а в том, что доказать его агентурную службу очень трудно, скорее невозможно. Да и кто такая эта закулиса? В книге речь идет о воздействии на Горбачева со стороны президента США, государственных деятелей Западной Европы. А мо-

⁸⁶ См.: Фроянов И. Я. Глобализация и славянство // Фроянов И. Я. Молитва за Россию. С. 79–119.

⁸⁷ Фроянов И. Я. Россия. Погружение в бездну. М., 2019. С. 16–17. — Книга неоднократно переиздавалась.

⁸⁸ Фроянов И. Я.: 1) Октябрь семнадцатого. С. 131; 2) Россия. Погружение в бездну. С. 25.

⁸⁹ Фроянов И. Я. Россия. Погружение в бездну. С. 34.

⁹⁰ Фроянов И. Я. Сверхзадача русского народа — противостоять расчленению России // Фроянов И. Я. Молитва за Россию. С. 459. — В то же время перестройка, видимо, была нужна. Во всяком случае, нужна была хотя бы альтернатива ей. Вместо перестройки необходимо было «раскрепощение масс, очеловечивание народа» (Там же. С. 547). Кто же такой призыв не поддержит?! Только возможно ли это в России?

⁹¹ Фроянов И. Я. Россия. Погружение в бездну. С. 377.

жет быть, это зловещие ЦРУ и МИ-6? Это и есть закулиса? Или это те, кто стоит за президентами, премьер-министрами, канцлерами и пр., но кто это? Книга никак не проливает свет на эту тайну. Интересно, что, когда речь заходит о связях с закулисой, о ее воздействии, то обычны такие формулировки: «иначе не понять», «не исключено», «можно подумать», «так ли уж нелепа мысль» и т. д.⁹² В своей публицистике Фроянов делает упор на глобализацию (мондиализацию), которая выступает в роли главного врага России, то в роли орудия тех же злых сил⁹³.

Кстати, в агенты был записан и В. В. Путин, и логика в рассуждениях автора была. Ведь кто выдвинул Путина? Масон Ельцин, значит его выдвигенец — агент, который тесно связан с мировой закулисой⁹⁴. В начале нулевых Фроянов очень переживал за судьбу Церкви и за Россию, которую могут интегрировать в тот мир, где уж точно правит та самая закулиса. Однако после того, как он с полным основанием увидел в Путине государственника, радеющего о благе Церкви, гражданина, страстно любящего матушку-Русь, он проникся к Владимиру Владимировичу глубоким уважением и, к общей радости, вывел его из мрачных рядов воинов закулисы.

Впрочем, касательно других акторов того времени я правоту Игоря Яковлевича не оспариваю, он мог что-то и почувствовать своим огромным талантом историка. Мы ведь о масонах очень мало знаем, но суть в другом. А, собственно, какое имеет значение для российской истории, кто масон, а кто нет? Да будь они все масоны — деятели той поры, — повернуть вспять историю им не по силам. Игорь Яковлевич исходит из идеи гораздо большей управляемости истории в наши дни (история превращается в искусственно-исторический процесс)⁹⁵, но есть ведь и пределы управляемости. Ведь вот «Горби» составил свой злокозненный план, «но жизнь внесла свои коррективы, введя в игру Б. Н. Ельцина — личность роковую для Горбачева»⁹⁶. Значит, все-таки есть и такая составляющая, как жизнь. А что касается деятелей, которые заявляют о себе в Смуту, то «хороших, порядочных» людей там нет по определению, во всяком случае, такие их качества надо долго доказывать. Вспомним полемику между Н. И. Костомаровым и И. Е. Забелиным о «прямых и кривых» в Смуте начала XVII в.

Многое из того, что говорит Фроянов, вызывает желание поспорить. Глобализация — штука тоже неоднозначная, не может же Россия всему миру противостоять. Да и не стоит все беды и неурядицы России, которые повторяются с удивительным постоянством, переваливать на посторонних. Разве расхищение государственной собственности у нас было только при Ельцине? Тем более, что весь советский период — это, оказывается, путь к распаду⁹⁷. Неужели тяжелая судьба мелкого бизнеса объясняется только ставкой Запада на олигархов?⁹⁸ Думается, что виноват как раз наш суперцентрализованный ГКС, которому никак не поднять мелкое предпринимательство. Те бюрократические пути, которые и по сей день сковывают бизнес, появились не при Ельцине: за ними четыре века русской истории.

⁹² Фроянов И. Я. Россия. Погружение в бездну. С. 160, 202, 217.

⁹³ Фроянов И. Я. Русская идея и русский вопрос // Фроянов И. Я. Молитва за Россию. С. 221–230.

⁹⁴ Фроянов И. Я. На паперти масонского храма // Там же. С. 440.

⁹⁵ Фроянов И. Я. Бог Россию не оставит // Там же. С. 601–602.

⁹⁶ Фроянов И. Я. Россия. Погружение в бездну. С. 221.

⁹⁷ Фроянов И. Я. Борьба продолжается // Фроянов И. Я. Молитва за Россию. С. 503.

⁹⁸ Фроянов И. Я. «Большая политика» и малый бизнес // Там же. С. 231–240.

Игорю Яковлевичу стоило бы обратить больше внимания на проблему Смут в российской истории. Книга «Россия. Погружение в бездну» начинается такими словами: «Современные историки, писатели и публицисты уподобляют порою происходящие ныне события в России Смуте начала XVII в. Для этого есть определенные основания»⁹⁹. Но развития эта тема не получила. В последней своей книге он обращается к той Смуте, есть у него интересный сюжет, ей посвященный. В полемике с неким инженером-электромехаником он пишет, что данный инженер, интересующийся историей, не понял главного в Смутной эпохе — разжигания внутриобщественной розни (Смуты) на Руси католическим Западом, в частности Польшей. Были, конечно, и внутренние предпосылки (пресечение династии московских государей, голодные годы, «мор и разоренье» и пр.)¹⁰⁰.

Нет никаких оснований упрекать Игоря Яковлевича в недостаточном внимании к этим внутренним предпосылкам. У него не было задачи их рассмотреть, но дело не в этом. Предпосылки для наших Смут есть всегда. О событиях 1917 г. столько уж исписано, что трудно представить. Были предпосылки и для 1991 г.¹⁰¹ В числе таких предпосылок *всегда* реформы и кризис власти. Без этого может получиться только «разинщина» или, скажем, «навальщина», но Смуты не будет. Находятся и разные силы, в том числе те, о которых с таким вдохновением писал Фроянов. Но дело в том, что и за причинами, и за предпосылками, и за силами стоит наша история, которая время от времени ввергает страну в такие Смуты, по структуре, течению, звучанию и прочему буквально идентичные друг другу¹⁰².

Игорь Яковлевич Фроянов — блестящий представитель петербургской исторической школы, автор выдающихся работ, прежде всего по Древней Руси. Он — создатель целостной и многогранной концепции этой эпохи нашей истории, чья значимость многократно возрастает из-за того, что находится она у самых истоков истории последующей. Концепция Фроянова вобрала в себя лучшее из русской дореволюционной историографии, но создана уже на новом витке исторического знания, в другую эпоху. Такой подход к древности не только ценен сам по себе, но и меняет прежнее восприятие всей отечественной истории. Концепцию Фроянова можно пытаться приспособить к неокommунистической идеологии с ее причудливым сочетанием разных элементов, например марксизма и клерикализма¹⁰³. А можно без политизации истории попытаться восстановить-таки ее аутентичный ход¹⁰⁴. Как бы то ни было, такое ощущение, что это об Игоре Яковлевиче написал свои знаменитые слова Н. А. Некрасов:

⁹⁹ Фроянов И. Я. Россия. Погружение в бездну. С. 5. — Перестройка и представляется Смутой многим наблюдателям и исследователям (см.: Печенев В. А. «Смутное время» в новейшей истории России. 1985–2003 гг. М., 2009; Дворниченко А. Ю. Смута как фактор российской истории // Вестник С.-Петербургского ун-та. История. 2018. Т. 63, вып. 3. С. 677–701).

¹⁰⁰ Фроянов И. Я. Нашествие на русскую историю. С. 922–923.

¹⁰¹ Пологинов М. Ф. Исторические предпосылки перестройки в СССР: вторая половина 1940 — первая половина 1980-х гг. СПб., 2010.

¹⁰² Дворниченко А. Ю.: 1) Смута как фактор российской истории; 2) Прощание с революцией. М., 2018.

¹⁰³ См., например: Белов Ю. П.: 1) Государственник. К 75-летию И. Я. Фроянова. СПб., 2011; 2) Историк-воин Игорь Фроянов. К 80-летию И. Я. Фроянова. СПб., 2016.

¹⁰⁴ Дворниченко А. Ю. Российская история с древнейших времен...

Природа-мать! Когда б таких людей
Ты иногда не посылала миру,
Заглохла б нива жизни.

Полагаю, что нива исторической науки, а особенно той ее части, которая занимается изучением истории России, уж точно бы заглохла...

References

- Alekseev Iu. G. Za Otechestvo svoe stoiatel'. *Froianov I. Ia. Nachala russkoi istorii. Izbrannoe*. Moscow, Parad Publ., 2001, pp. 5–18. (In Russian)
- Belov Iu. P. *Gosudarstvennik. K 75-letiiu I. Ia. Froianova*. St. Petersburg, Vremia Publ., 2011, 20 p. (In Russian)
- Belov Iu. P. *Istoriik-voin Igor' Froianov. K 80-letiiu I. Ia. Froianova*. St. Petersburg, Vremia Publ., 2016, 20 p. (In Russian)
- Brachev V. S. *Russkii istorik I. Ia. Froianov. Zhizn' i tvorchestvo*. St. Petersburg, Russkaia Kolleksiia Publ., 2016, 472 p. (In Russian)
- Cherepnin L. V. *Obrazovanie Russkogo tsentralizovannogo gosudarstva v XIV–XV vv.* Moscow, Sotsegiz Publ., 1960, 899 p. (In Russian)
- Danilova L. V. *Sel'skaia obshchina v srednevekovoi Rusi*. Moscow, Nauka Publ., 1994, 318 p. (In Russian)
- Dvornichenko A. George Vernadsky about Soviet Russia (for publication of the article by G. V. Vernadsky "Paradoxes of Bolshevism"). *Modern History of Russia*, 2015, no. 2 (13), pp. 101–132. (In Russian)
- Dvornichenko A. Yu. *Russkii istorik Georgii Vernadskii. Puteshestviia v mire liudei, idei i sobytii*. St. Petersburg, Evraziia Publ., 2017, 724 p. (In Russian)
- Dvornichenko A. Yu. *Proshchanie s revoliutsiei*. Moscow, Ves' Mir Publ., 2018, 272 p. (In Russian)
- Dvornichenko A. Yu. *Rossiiskaia istoriia s drevneishikh vremen do padeniia samoderzhaviia*. Moscow, Ves' Mir Publ., 2010, 944 p. (In Russian)
- Dvornichenko A. Yu. Smuta as a Factor of the Russian History. *Vestnik of Saint Petersburg University. History*, 2018, vol. 63, iss. 3, pp. 677–701. (In Russian)
- Dvornichenko A. Yu. Stalinism, Boyars and the Russian Tradition. *Vestnik of Saint Petersburg University. History*, 2018, vol. 63, iss. 2, pp. 636–647.
- Dvornichenko A. Yu., Kotov A. E. The Centenary of the Great Upheavals in the Mirror of the Latest Russian Historiography. *Bylye Gody*, 2018, vol. 50, iss. 4, pp. 1752–1765. (In Russian)
- Dvornichenko A. Yu., Krivosheev Iu. V. "Feodal'nye voiny" ili demokraticheskie al'ternativy? *Vestnik Leningradskogo universiteta. Seriia istorii, iazyka i literatury*, 1992, no. 3, pp. 3–12. (In Russian)
- Dvornichenko A. Yu., Kudryavtseva R.-E. A. The Phenomenon of Great Duchy of Lithuania in a Scholar Discourse on the Boundary of Millenniums. *Bylye Gody*, 2019, vol. 53, iss. 3, pp. 935–955. (In Russian)
- Dvornichenko A. Yu., Shaposhnik V. V. And again Ivan the Terrible or about a New Book by the American Scholar. *Vestnik of Saint Petersburg University. History*, 2020, vol. 65, iss. 2, pp. 633–645. (In Russian)
- Filiushkin A. I. *Istoriia odnoi mistifikatsii: Ivan Groznyi i "Izbrannaia Rada"*. Moscow, Voronezh State University Press, 1998, 352 p. (In Russian)
- Froianov I. Ia. *Drama russkoi istorii: Na putiakh k Oprichnine*. Moscow, Parad Publ., 2007, 952 p. (In Russian)
- Froianov I. Ia. *Groznaia Oprichnina*. Moscow, Algoritm Publ., 2009, 560 p. (In Russian)
- Froianov I. Ia. Ivan III i russkaia gosudarstvennost'. *Froianov I. Ia. Nachala russkoi istorii. Izbrannoe*. Moscow, Parad Publ., 2001, pp. 920–928. (In Russian)
- Froianov I. Ia. *Lektsii po russkoi istorii. Kievskaiia Rus'*. St. Petersburg, Russkaia Kolleksiia Publ., 2015, 1048 p. (In Russian)
- Froianov I. Ia. *Molitva za Rossiiu. Publitsistika raznykh let*. St. Petersburg, Asterion Publ., 2008, 840 p. (In Russian)
- Froianov I. Ia. *Nashestvie na russkuiu istoriiu*. St. Petersburg, Russkaia Kolleksiia Publ., 2020, 1088 pp. (In Russian)

- Froianov I. Ia. O bol'shoi sem'e v Novgorodskoi zemle XIV–XV vv. *Novgorodskii krai. Materialy nauchoi konferencii "Novgorod drevnii — Novgorod sotsialisticheskii. Arkheologiya, istoriya, iskusstvo"*. Leningrad, Lenizdat Publ., 1984, pp. 188–194. (In Russian)
- Froianov I. Ia. O krest'ianskikh perekhodakh v Rossii XIV–XV vv. *Vestnik Leningradskogo universiteta. Seriya istorii, iazyka i literatury*, 1979, no. 3, no. 20–26. (In Russian)
- Froianov I. Ia. O nekotorykh osobennostiakh russkoi istorii. *Mnemon. Issledovaniia i publikatsii po istorii antichnogo mira*, 2013, no. 12, pp. 503–521. (In Russian)
- Froianov I. Ia. On Rewriting the History of the Relations between Russia and the Horde. *Vestnik of Saint Petersburg University. History*, 2018, vol. 63, iss. 1, pp. 196–222. (In Russian)
- Froianov I. Ia. O vozniknovenii krest'ianskikh perekhodov v Rossii. *Vestnik Leningradskogo universiteta. Seriya istorii, iazyka i literatury*, 1978, no. 3, pp. 28–34. (In Russian)
- Froianov I. Ia. O vozniknovenii monarkhii v Rossii. *Froianov I. Ia. Nachala russkoi istorii. Izbrannoe*. Moscow, Parad Publ., 2001, pp. 883–907. (In Russian)
- Froianov I. Ia. O vozniknovenii russkogo absoliutizma. *Froianov I. Ia. Nachala russkoi istorii. Izbrannoe*. Moscow, Parad Publ., 2001, pp. 908–919. (In Russian)
- Froianov I. Ia. O zarozhdenii evraziistva v izuchenii russkogo srednevekov'ia. *Froianov I. Ia. Nashestvie na russkuiu istoriiu*. St. Petersburg, Russkaia Kolleksiia Publ., 2020, pp. 1026–1069. (In Russian)
- Froianov I. Ia. *Oktiabr' semnadsatogo: (Gliadia iz nastoiashchego)*. St. Petersburg, St. Petersburg University Press, 1997, 160 p. (In Russian)
- Froianov I. Ia. Perekhod krest'ian i starozhil'stvo v Rossii XV–XVI vv. *Tezisy dokladov i soobshchenii XIV sessii mezhrеспублиkansko simpoziuma po agrarnoi istorii Vostochnoi Evropy*. Moscow, 1972, iss. 1, pp. 78–80. (In Russian)
- Froianov I. Ia. Romanovy i traditsionnye osnovy russkoi gosudarstvennosti. *Froianov I. Ia. Nachala russkoi istorii. Izbrannoe*. Moscow, Parad Publ., 2001, pp. 929–941. (In Russian)
- Froianov I. Ia. *Rossia. Pogruzhenie v bezdnu*. Moscow, Rodina Publ., 2019, 384 p. (In Russian)
- Froianov I. Ia. Starozhil'tsy na Rusi XV v. *Vestnik of Leningrad University. Seriya istorii, iazyka i literatury*, 1981, no. 1, pp. 20–26. (In Russian)
- Froianov I. Ia. "Vallamskaia beseda" v religiozno-politicheskikh sporakh serediny XVI veka. *Vestnik Udmurtskogo universiteta*, 2006, no. 7, pp. 78–98. (In Russian)
- Froyanov I. Y., Dvornichenko A. Yu. [Retsenziia]: Danilova L. V. The Land Commune in Medieval Russia — Russian — Danilova L. V. *Otechestvennaya istoriya*, 1996, no. 2, pp. 193–197. (In Russian)
- Ivonin A. R. Tupiki "russkogo feodalizma". *Obshchestvennye nauki i sovremennost'*, 2011, no. 2, pp. 87–100. (In Russian)
- Kobrin V. B. *Vlast' i sobstvennost' v srednevekovoi Rusi*. Moscow, Mysl' Publ., 1985, 278 p. (In Russian)
- Kondakov Iu. E. *Rozenkreitsery, martinisty i "vnutrennie khristiane" v Rossii kontsa XVIII — pervoi chetverti XIX veka*. St. Petersburg, RPGU im. A. I. Gertsena Press, 2012, 499 p. (In Russian)
- Lavrov S. I., Froianov I. Ia. *Russkii narod i gosudarstvo*. St. Petersburg, Vremia Publ., 1995, 44 p. (In Russian)
- Pechenev V. A. "Smutnoe vremia" v noveishei istorii Rossii (1985–2003): *istoricheskie svidetel'stva i razmyshleniia uchastnika sobytii*. Moscow, Norma Publ., 2004, 365 p. (In Russian)
- Polynov M. F. *Istoricheskie predposylki perestroiki v SSSR: vtoraiia polovina 1940 — pervaiia polovina 1980-kh gg*. St. Petersburg, Aleteiia Publ., 2010, 512 p. (In Russian)
- Primakov E. M. *Budushchee Rossii*. Moscow, AST Publ., 2020, 480 p. (In Russian)
- Raskin D. I., Froianov I. Ia., Shapiro A. L. Leninskaia kharakteristika naivnogo monarkhizma. Naivnyi monarkhizm krest'ian v istorii feodal'noi Rossii. *Tezisy dokladov i soobshchenii XII sessii mezhrеспублиkansko simpoziuma po agrarnoi istorii Vostochnoi Evropy*. Riga, Zinatne Publ., 1970, no. 2, pp. 307–316. (In Russian)
- Raskin D. I., Froianov I. Ia., Shapiro A. L. O formakh chernogo krest'ianskogo zemlevladieniia XIV–XVII vv. *Problemy krest'ianskogo zemlevladieniia i vnutrennei politiki Rossii. Dooktiabr'skii period*. Leningrad, Nauka Publ., 1972, pp. 5–44. (In Russian)
- Sakharov A. M. *Obrazovanie i razvitie Rossiiskogo gosudarstva v XIV–XVII vv*. Moscow, Vysshiaia Shkola Publ., 1969, 224 p. (In Russian)

- Shapiro A. L. O prirode feodal'noi sobstvennosti na zemliu. *Voprosy istorii*, 1969, no. 12, pp. 57–72. (In Russian)
- Sobolev G. L., Froianov I. Ia. Kstati o Stolypine. *Froianov I. Ia. Molitva za Rossiiu. Publitsistika raznykh let*. St. Petersburg, Asterion Publ., 2008, pp. 79–83. (In Russian)

Статья поступила в редакцию 30 января 2021 г.

Рекомендована в печать 12 марта 2021 г.

Received: January 30, 2021

Accepted: March 12, 2021